

ДОМ КУЛЬТУРЫ

Ирина ГРИНЁВА:

Вет. кино - 2001 - 26 янв. - с 5.

В МОНАСТЫРЕ Я ПОНЯЛА, ЧТО ДОЛЖНА СТАТЬ АКТРИСОЙ

— Разговор хочется начать с вопроса провокационного. Вы, конечно, помните скандал, который года два назад разыгрался на фестивале «Золотая маска». В экспертном совете отказались выдвигать кандидатуры в номинации «Лучшая женская роль», объяснив это тем, что в России-де сейчас с актрисами вообще неурожай. Действительно ли все так плохо?

— Не согласна. Есть замечательные молодые актрисы, целая плеяда: Инга Оболдина, Вика Толстогонова, Галина Тюнина, Наталья Вдовина. Да их очень много! Просто на «Золотую маску» почему-то не выдвигаются многие спектакли, где есть актерские удачи.

— Вы успели поработать с очень многими хорошими режиссерами. Это все случайно так складывалось или вам нравится испытывать себя?

— Мне кажется, актер должен пробовать себя в разном качестве. Поэтому я искала. Начинала еще в Риге у Шапиро, потом, в Москве, пришла в «Школу драматического искусства». С Анатолием Васильевым работала очень мало, но, несмотря на это, хотела бы назвать его своим учителем. Вот только не знаю, согласится ли он назвать меня своей ученицей. Думаю, что он в своей «Школе» действительно создает нового актера. Два года я танцевала у Геннадия Абрамова. Пошла туда преднамеренно, понимая, что если хочу стать хорошей актрисой, мне нужно владеть своим телом. У Анатолия Александровича научилась разбирать тексты. Читала очень много — как никогда в своей жизни. Платона, Канта, Достоевского, Пушкина, Чехова.

— Неужели бывают молодые актрисы, интересующиеся философией?

— Раньше классическое среднее образование подразумевало, что ученик должен знать античную мифологию и литературу. Я уверена, что актер тоже обязан это все знать. Как, например, не читать Библию, когда многие пьесы основаны на библейских сюжетах?

— Раз уж вы упомянули Библию, позволю себе задать довольно щепетильный вопрос. Мне рассказали, что вы несколько лет назад были увлечены какой-то религиозной сектой, а потом ушли в православный монастырь, где и жили некоторое время.

— Кто же вам такое рассказал? Нет, сектантством я никогда не увлекалась, но в монастыре действительно была.

Не хочется об этом говорить, поскольку это материя для меня очень личная. Свой выбор я сделала, когда училась в театральном институте, и вовсе не от несчастной жизни. Просто хотелось найти Бога.

— И вы в то время были готовы оставить сцену?

— Да. Но, прожив в монастыре, я поняла, что мое предназначение в другом. Я могу реализовать себя именно в актерской профессии. Конечно, лицедейство — это грех, но если актер служит театру, то, надеюсь, он не во грехе. У Томаса Манна в «Иосифе и его братьях» есть момент, когда Иаков говорит Вениамину: «Поэзия — штука опасная, и если в ней нет заботы о Боге и играющего духа, то тогда она превращается в беспутство». Очень точные слова.

— Вы играете во многих постановках Владимира Мирзоева. Он сильно изменил вас как актрису?

— Я научилась с ним совершенно другому способу существования на сцене. Ты помещена в очень строгую игровую структуру с четкими мизансценами, где не допускается импровизация.

— Но это, наверное, не только у Мирзоева? У Доннеллана, думаю, тоже особо не поимпровизируешь?

— Нет, Доннеллан как раз это допускает.

— Как вам с ним работалось на «Годунове»?

— Я очень люблю Пушкина, всегда мечтала о роли Марины Мнишек, поэтому работалось легко.

— Вы ведь, кажется, вошли позже всех в этот спектакль? Сначала говорили, что эту роль сыграет Чулпан Хаматова, а вы появились значительно позже.

— Да, я очень поздно узнала, что Доннеллан набирает актеров. Позвонила тем, кто занимался кастингом, и сказала: «Я Ирина Гринёва и хочу сыграть Марину Мнишек». Они отвечают: «Мы не знаем, кто такая Ирина Гринёва. И вообще: вы уверены, что вы — Марина Мнишек?» Я говорю: «Уверена!» «Нет», — говорят, — эту роль вы играть не будете. Все, что вы сейчас можете, — это попробоваться на Народ». И повесили трубку. Я поняла, что опоздала, и даже подумала: «Господи, ты не ошибся?» Ну, думаю, всё. Не судьба, значит. Я вообще верю в то, что не человек выбирает роль, а роль выбирает актера. Забыла об этой истории. А через месяц выяснилось, что почему-то Хаматова не сможет играть в спектакле — то ли в театре ее не отпустили, то ли еще что-то. И они стали искать новую актрису. Помреж

Ольга Субботина увидела меня в спектакле «Игра в классики» и пригласила на пробы. Ну что это, как не судьба? Когда меня, наконец, взяли в этот проект, я была просто счастлива. Выяснилось, что Доннеллан и я смотрим на Марину одними глазами. А такое бывает очень редко.

— А кто придумал польский акцент для Марины? Вы или Доннеллан?

— Вообще-то придумала я. Но тут у нас с Декланом опять совпало совершенно удивительно. Я шла вечером домой и думала: «Хорошо было бы играть ее с польским акцентом». Прихожу утром на репетицию, и вдруг Доннеллан говорит: «Надо польский акцент». Мы с ним очень хорошо понимали друг друга. И с партнерами мне повезло. С Женей Мироновым, например, удивительно легко работалось.

— Ваша с ним сцена у фонтана выполнена абсолютно виртуозно и стала маленьким шедевром внутри спектакля. Как вы ее готовили?

— Оставались ночами с Женей и мучили режиссера. Вообще эта сцена — диалог титанов. Я имею в виду, конечно, не нас с Мироновым, а наших персонажей. Марина — это ведь удивительный человек. Девочка, родившаяся в Польше и не имевшая никакой знатной родословной, с детства мечтала стать русской царицей. Ее, между прочим, рядили в царские одежды с трех лет. И она все-таки стала царицей! Ее короновали, две недели она правила на Москве. А когда ее заточили в монастырь, она чудесным образом исчезла. В народных песнях пели, что она обратилась в сороку и улетела. А потом вновь появилась, и вышла еще и за второго Лжедмитрия. Удивительная личность, и очень сильная!

— Вы с такой страстью о ней рассказываете. Неужели вы все это читали о Марине Мнишек еще до того, как получили роль?

— Да. Я же ведь совершенно искренне говорю, что всегда мечтала сыграть эту женщину.

— Скажите, а вы, начиная профессиональную работу, старались подражать кому-то из актрис старшего поколения? В ком видели образ?

— Как ни странно, эти образы я видела не в актрисах, а в актерах. Я всегда обожала Смоктуновского, Олега Дала, Высоцкого, Евгения Леонova. Когда поступала к Васильеву на курс, то готовила монолог Сальери. Готовила его дома и понимала, что у меня что-то не получается. А мой лю-

бимый киноактер — Аль Пачино. Тогда я стала читать монолог с интонацией Аль Пачино, и все получилось.

— Вас действительно так привлекают мужские роли?

— Очень нравятся. В театре Васильева была возможность такие роли играть, а вот в других театрах не знаю, доведется ли еще. Мужских ролей гораздо больше интересных, чем женских.

— Мужские роли чаще, чем женские, связаны с какой-то абстрактной идеей. Может, это вас так привлекает?

— Да, это верно. Но мне кажется, что и в женских ролях главное — сыграть идею, которая движет персонажем, а не сам персонаж. Если бы я играла Марину как меркантильную девицу, разочарованную в своем женихе, то что бы получилось? Это нельзя играть как психологическую историю. Но Чехова, например, я бы сыграла совсем по-

другому. Я всегда мечтала сыграть Ирину в «Трех сестрах».

— Тяжко вам приходилось на первых порах в Москве? Говорят, даже жить было негде, приходилось ночевать где-то в детском саду.

— Да, правда. Вообще, мне в жизни ничего не давалось легко. Но я очень люблю свою профессию. Поэтому, как написано у Екклесиаста, — «делай все, что в силе делать рука твоя».

— Ирина, а откуда вы родом?

— Я из Казани. Отец у меня военный, а мама — красавица, которая не работала и просто любила папу. Прабабушка была в Казани известной артисткой, пела в оперном театре во времена Шалипина. В детстве я все ждала, когда мне исполнится энное количество лет, чтобы уехать в Москву. Меня спрашивали: «Ира, кем ты хочешь быть?» И я всегда отвечала: «Царицей». Мама говорила: «Ну как же ты будешь царицей? У тебя ведь папа

не царь». А я стояла на своем: «Ну тогда я выйду замуж за царя». Когда мне начинали доказывать, что у нас вообще нет царей, я очень расстраивалась, долго молчала и потом говорила: «Ну тогда буду актрисой».

— Послушайте, так вы ведь действительно как Марина Мнишек! А одновременно еще и чеховская Ирина — «В Москву! В Москву!»

— Все верно. Ирина мне очень близка.

— Прежнему поколению актеров всенародную любовь и известность приносило кино.

— Я уверена, что у меня тоже будут достойные кинороли.

— И вы уверены, что будете звездой завтрашнего дня?

— Да.

— Спасибо. У меня больше нет вопросов.

